

МЕДИЦИНА, ПЕДАГОГИКА И ТЕХНОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Researchbib Impact factor: 13.14/2024

SJIF 2024 = 5.444

Том 4, Выпуск 01, Января

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ПЕТЕРБУРГА В РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Мажидова Шахло Баходир кизи

студентка Денауского института предпринимательства и педагогики

shaxlomajidova@gmail.com

Давлатова Шахло Хуррамовна,

преподаватель Денауского института предпринимательства и педагогики,

davlatovashahlo1970@gmail.com

Аннотация В статье анализируется Петербург в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» как экзистенциальная топография система локусов, которые не столько «иллюстрируют» сюжет, сколько производят внутренний опыт героя: стеснение, пороговость, распад самоконтроля, жажду оправдания и поиск выхода. На материале ключевых городских пространств (Сенная, мосты, лестницы, «каморка», дворы-колодцы, набережные, «каменные» доминанты) показано, что городской ландшафт работает как семиотический механизм давления: он сгущает время, меняет тип речи, усиливает соматизацию мысли и разрушает иллюзию «чистой» рациональности.

Ключевые слова: поэтика города; экзистенциальное пространство; топография романа; порог; психогеография.

THE EXISTENTIAL TOPOGRAPHY OF ST. PETERSBURG IN THE NOVEL *CRIME AND PUNISHMENT*

Abstract The paper explores St Petersburg in Dostoevsky's *Crime and Punishment* as an existential topography a network of urban loci that do not merely "frame" the plot but actively shape the protagonist's inner experience: compression, liminality, loss of self-control, self-justification, and the search for an exit. Focusing on key sites (Sennaya Square, bridges, staircases, the garret-room, courtyard-wells, embankments, and monumental landmarks), the study argues that the city functions as a semiotic pressure device: it condenses time, switches modes of speech (inner monologue /

МЕДИЦИНА, ПЕДАГОГИКА И ТЕХНОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Researchbib Impact factor: 13.14/2024

SJIF 2024 = 5.444

Том 4, Выпуск 01, Января

confession / public scene), intensifies bodily symptoms of thought, and undermines the illusion of purely rational agency.

Keywords: urban poetics; existential space; novel topography; liminality; psychogeography.

Введение

Петербург у Достоевского не нейтральная декорация, а активный участник действия: город формирует режим восприятия, провоцирует речевые и нравственные решения, задает плотность событий. Ранняя традиция осмысления «Петербурга Достоевского» фиксирует тревожную «умышленность» пространства: «Достоевский называет “самым умышленным городом в мире”» [6, с.44]. В романе эта «умышленность» переживается не как абстрактная идея, а как практика существования: теснота, лестницы, углы, смрад, жара, сырость, толпа все это превращается в язык давления, который принуждает мысль стать поступком.

Современная филология описывает подобные сверхструктуры через понятие «петербургского текста». Показательно, что исследовательская традиция подчеркивает его теоретический статус Владимир Топоров ввёл понятие «петербургского текста» в русскую филологию в 1970-е годы. [4, с.8]. Однако применительно к «Преступлению и наказанию» продуктивно уточнить: петербургский текст здесь развернут как экзистенциальная топография карта жизненного предела, на которой смысл читается телом, речью и выбором.

Основная часть

1. От «петербургского текста» к экзистенциальной карте.

Под **экзистенциальной топографией** понимается система локусов, где география и психология совпадают по функции: место не просто обозначает «где», а предписывает «как». Такой подход согласуется с психогеографическим взглядом на город как на фактор этического выбора. Характерна формулировка, вынесенная в современном комментарии к роману: «не хватает лишь одного элемента того, что сегодня назвали бы психогеографией. Этот пробел ярко восполняет Санкт-Петербург «самый продуманный и абстрактный город в мире»...» [3, с.18]. Здесь важно слово «предумышленность» города совпадает с предумышленностью замысла.

В статье предлагается **трехзонная модель:**

МЕДИЦИНА, ПЕДАГОГИКА И ТЕХНОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Researchbib Impact factor: 13.14/2024

SJIF 2024 = 5.444

Том 4, Выпуск 01, Января

- **зона компрессии** (стеснение, удушье: каморка, двор-колодец, тесные лестницы);
- **зона экспозиции** (вынос «на свет»: Сенная, мосты, набережные, большие доминанты);
- **зона перехода** (пороговость: перекрестки, трактиры, лестничные площадки, мост как «решение»).

Эта карта работает не столько географически, сколько **коммуникативно**: разные зоны переключают тип речи — внутренний монолог, исповедь, допрос, публичную сцену.

2. Зона компрессии: каморка, лестница, двор-колодец как фабрика внутренней речи

Ключевой локус романа «каморка» Раскольниковова. Ее теснота не только знак бедности, но и условие дискурса оправдания, пространство уменьшает горизонт, заставляет мысль вращаться вокруг пары навязчивых тезисов. Каморка закрепляет самозамкнутость: герой существует «в голове», а город как шум за стеной. Отсюда логика самоинквизиции («если... то...») и навязчивые повторы, которые в тексте начинают звучать как «заклинание», а не как аргумент.

Лестница в романе механизм моральной вертикали: движение превращается в испытание, любой контакт становится случайным, но судьбоносным (шаги, стук, площадка, дверь). В зоне компрессии коммуникация строится на слухе (подслушивание, оговорки, шепот) и на полуприсутствии: персонажи рядом, но как будто «внутри стен».

Двор-колодец и «углы» добавляют третью грань компрессии телесную. Анциферов связывает «умышленность» Петербурга с его материальной тревогой: город как будто заранее устроен так, чтобы человек **ощущал предел** [6, с.44]. В романе это означает: пространство напоминает телу о конечности через духоту, жар, сырость, давку. Отсюда соматизация мысли: идеология начинает звучать как физиология (тошнота, лихорадка), а внутренний монолог превращается в круг.

3. Зона экспозиции: Сенная и «каменные свидетели» как сцены этического света

3.1. Сенная как «центр шума» и моральная нулевая точка

Сенная площадь — место, где социальное и телесное максимально сближены: рынок, толпа, запахи, шум. Для героя это опасно и спасительно

МЕДИЦИНА, ПЕДАГОГИКА И ТЕХНОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Researchbib Impact factor: 13.14/2024

SJIF 2024 = 5.444

Том 4, Выпуск 01, Января

одновременно. Опасно потому что толпа усиливает раздражение и унижение; спасительно потому что именно здесь возникает шанс увидеть страдание как норму жизни, а не как «доказательство» собственного исключения. Сенная становится моральной нулевой точкой, где отменяются возвышенные оправдания и остается только человеческая уязвимость.

3.2. Казанский собор и колонна как «панорамы власти»

Экспозицию усиливают «крупные формы» города – собор, колонна, мосты. Они превращают частную мысль в мысль «на виду» перед историей. Подосокорский показывает, что городская реальность середины XIX века была насыщена «наполеоновским» кодом, который входил в ландшафт и культурную память: «Показано, как реалии Петербурга (Египетский мост, Александровская колонна, Казанский собор и др.) связаны с наполеоновским мифом и косвенно отражаются в тексте романа Достоевского» [2, с.72]. Это важно для семантики «величия» в романе: герой считывает город как музей героического и пытается встроить себя в этот масштаб, минуя этику.

3.3. Набережная и «вода» как вертикаль бессознательного

Вода (каналы, река, набережные) образует «холодную ось» города: она расширяет пространство, обещает выход, но открывает бездну. У воды мысль не затухает, а становится отчетливее – набережная работает как место обнажения, а не успокоения. Поэтому притяжение к мостам и воде – это притяжение к зоне, где частная идея сталкивается с горизонтом и начинает трещать.

4. Зона перехода: мост, перекресток и трактир как пороговые устройства сюжета

Пороговые пространства – зоны решения, где действие постоянно «может не случиться». Мост и перекресток – топосы колебания; трактир – место, где социальные миры пересекаются и слово получает статус поступка.

В этом ключе чрезвычайно важен мотив «странных влияний» города на душу. Подосокорский приводит реплику Свидригайлова, превращающую Петербург в объект почти научного исследования: «Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге» [2, с.74]. Эта формула объясняет сюжетную пороговость: город производит ситуацию, где границы нормы колеблются, а значит легче перейти черту.

5. Звуковая, температурная и временная семантика города

МЕДИЦИНА, ПЕДАГОГИКА И ТЕХНОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Researchbib Impact factor: 13.14/2024

SJIF 2024 = 5.444

Том 4, Выпуск 01, Января

Экзистенциальная топография включает не только «места», но и модальности: шум, крик, жара, духота, сырость. Они действуют как «фоновая аргументация»: не доказывают, а внушают. В зоне компрессии шум слышится через стены и двери, превращаясь в ощущение преследования; в зоне экспозиции шум толпы опыт публичности без разговора, когда герой не включен в коммуникацию, но переживает ее давление. Температура коррелирует с ускорением внутреннего времени: мысль вспыхивает, обрывается, возвращается, как приступ.

Город у Достоевского еще и режим времени: короткие переходы растягиваются, а долгие исчезают из памяти героя. Топография соединяет внутреннее и внешнее время: лестница и порог места, где внешний шаг совпадает с внутренним решением.

6. Точные примеры: маршрут как логика самооправдания

Топография романа построена на повторяемости: герой словно протаптывает след, пытаясь превратить преступление в необходимость. Важно различать путь «до» (в сторону решения) и путь «после» (распад маршрута, потеря линейности, паника). В нашей модели это движение от зоны перехода к зоне компрессии: решение «закрывает» мир, а затем мир начинает сжиматься вокруг тела.

Показательно, что даже исследователь, работающий с «географией» романа как с архивной задачей, фиксирует материальную проверяемость локусов: «Изучив различные архивы... я смогла найти дом семьи Мармеладовых в Знаменском переулке...» [1, с.244]. Эта верифицируемость подтверждает: топография у Достоевского — намеренная конструкция, где точность адреса усиливает этическую правдоподобность.

7. Культурно-философский ракурс: «раскол» героя и европейская перспектива

Сравнительный взгляд подчеркивает глубину образа Раскольникова как «расколотого» субъекта. В англоязычной традиции это формулируется через культурный перенос типов: «Dostoevsky's schismatic hero, Rodion Romanovich Raskolnikov in Crime and Punishment, is Dostoevsky's reimagining of his own culture's translation of Hamlet...» [5, с.2]. Для нашей темы это означает: экзистенциальная топография Петербурга не только «город бедности», но и

МЕДИЦИНА, ПЕДАГОГИКА И ТЕХНОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Researchbib Impact factor: 13.14/2024

SJIF 2024 = 5.444

Том 4, Выпуск 01, Января

европейский сюжет о разломе субъекта между идеей и жизнью, где пространство становится медиатором этого разлома.

8. Схема экзистенциальной топографии (авторская модель)

Зоны экзистенциальной топографии Петербурга и коммуникативные эффекты

Зона	Типичные локусы	Доминирующий тип речи	Экзистенциальный эффект
Компрессия	каморка, узкие лестницы, дворы-колодцы, «углы»	внутренний монолог, самодопрос, речевые повторы	сжатие смысла до формулы; соматизация мысли; рост раздражения и бредовой логики
Экспозиция	Сенная, мосты, набережные, доминанты города	публичная сцена, столкновение взглядов, монолог к «истории/людям»	проверка идеи реальностью; стыд/страх; ощущение «свидетелей»
Переход	пороги, перекрестки, трактиры, площадки	исповедь, допрос, внезапные признания	решение/колебание; размывание нормы; перевод слова в поступок

Таблица 1

Выводы

Петербург в «Преступлении и наказании» функционирует как **экзистенциальная топография**: сеть локусов, где параметры пространства (теснота/открытость, пороговость, духота/сырость) связаны с режимами сознания героя и типами его речи. Предложенная трехзонная модель (компрессия – экспозиция – переход) связывает топографические детали с коммуникативными задачами повествования: внутренний монолог порождается стеснением, публичная сцена экспозицией, а исповедь и «проверка» пороховыми пространствами. Экзистенциальный смысл города проявляется в том, что Петербург «возвращает» любую идею телесностью и страданием: мысль о праве

МЕДИЦИНА, ПЕДАГОГИКА И ТЕХНОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Researchbib Impact factor: 13.14/2024

SJIF 2024 = 5.444

Том 4, Выпуск 01, Января

и величии сталкивается с жаром, сыростью, давкой, толпой и «каменными свидетелями» и превращается в опыт вины.

Практическая ценность модели в возможности точнее комментировать роман и описывать «петербургский текст» как механизм порождения смысла, а не как набор краеведческих соответствий.

Перспективы дальнейших исследований. Модель может быть расширена (а) количественной разметкой локусов и типов речи (вопрос/признание/угроза/самооправдание), (б) сопоставлением с другими «петербургскими» текстами Достоевского, где та же топология порогов и теснот дает иные этические эффекты.

Список литературы

1. Мочалова Е. А. Петербург Достоевского глазами современной школьницы // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1. С. 243–260. DOI: 10.22455/2619-0311-2023-1-243-260.
2. Подосокорский Н. Н. «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 71–135. DOI: 10.22455/2619-0311-2022-4-71-135.
3. Dostoyevsky F. M. Crime and Punishment / trans. by O. Ready. Introduction (psycho geography section). London: Penguin Classics, 2014. P. 18.
4. Urban Myth and the Transformation of Cultural Memory in the Post-Soviet Petersburg Text: A Study of Cultural Memory in M. Veller's Legends of Nevsky Prospekt: Master's thesis. Eugene: University of Oregon, 2012. P. 8.
5. Movsesian A. The Poetics of Schism: Dostoevsky Translates Hamlet // Humanities. 2020. Vol. 9, No. 3. Article 111. P. 2. DOI: 10.3390/h9030111.
6. Анциферов Н. П. Петербург Достоевского. Пг.: Брокгауз–Ефрон, 1923. 106 с.